
МНЕНИЕ. ГЛУБОКИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Н. Я. Петраков¹

ДЕМОКРАТИЯ И НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

Последние десятилетия поражают удивительными изменениями в научно-технической сфере. Еще живы люди, которые прошли путь от конторских счетов до современных компьютеров, от извозчиков до скоростных автомобилей и авиалайнеров, от свинцовых примочек и минеральных вод до операций по пересадке жизненно важных органов. Поразительно. Но не менее поразительна в социально-политической сфере динамика государственных структур и образований. Если вы положите рядом политическую карту мира начала прошлого века и карту, отражающую границы перед Второй мировой войной, а затем после нее; и, наконец, современную карту государственных границ, то может показаться, что речь идет о различных мирах. Особенно в отношении Европы, а также Азии и Африки.

Причины постоянного перекраивания политической карты мира разнообразны. Здесь и попытки передела колоний, а затем развал колониальных империй. Но к середине XX в. передел государственных границ тесно связан с военной и идеологической борьбой западной демократии с тоталитарными диктаторскими режимами нацистского и коммунистического толка. Это совершенно новый социально-политический аспект государственных территориальных преобразований. И он имеет не только историческое значение, но чрезвычайно актуален для понимания сути нынешней мировой политики и тенденций ее дальнейшего развития.

Точкой отсчета начала межгосударственной борьбы западной демократии за свое выживание можно считать Мюнхенское соглашение (1938 г.) с нацистской Германией, в результате которого за обещание не посягать на западноевропейские ценности Гитлеру была сдана независимость (незыблемость государственных границ) Чехословакии. Лиха беда начало. В августе 1939 г. два диктаторских режима заключают договор о разделе Польши и прибалтийских республик. Пакт Риббентропа–Молотова противоречил всем нормам международного права, поскольку содержал секретный протокол, нарушающий государственный суверенитет и территориальную целостность третьих стран. Юридически он нелегитимен. Этот пакт вызвал возмущение всей мировой общественности (особенно в Прибалтике) и осужден съездом народных депутатов СССР в 1989 г. Однако хотелось бы сделать одну ремарку, которая пригодится нам в дальнейшем. В борьбе за свою новую независимость в 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял резолюцию, согласно которой перевел стрелки исторических часов на 1939 год. Иными словами, власти Литвы вернули страну в юридическое состояние до подписания пакта Риббентропа–

¹ Директор института проблем рынка, д-р экон. наук, профессор, академик РАН. E-mail: petrakov@cemi.rssi.ru

Молотова, включая конституцию, законодательство, международные соглашения и т. д. Это был замечательный политический «ход конем». Кроме одного: все это провозглашалось в границах, определенных Риббентропом и Молотовым, т. е. Гитлером и Сталиным! Горбачеву не хватило политической воли, чтобы ответить Верховному Совету Литвы: согласен, но в границах 1939 г. И тогда литовская столица Вильнюс превратилась бы в областной польский Вильно. Сталинские границы Литвы оказались очень удобными для антисталинских и антикоммунистических властей Литвы и почему-то вполне «легитимными».

Однако отвлечемся от возмутительного пакта между Германией и СССР и обратим свои взоры к другому (может быть, не менее возмутительному) пакту. Мы имеем в виду пакт Черчилля–Рузвельта–Сталина практически заключенный в Ялте в 1945 г. Этот пакт определял уникальный передел европейских земель. У германского народа (а не у нацистов) изымались огромные территории в Померании, Силезии, восточной Пруссии. Три лидера, двое из которых «подлинные западные демократы», соглашались на поголовную депортацию (15 миллионов) коренного, жившего десятилетиями поколений, населения в центре Европы. Это был циничный торг и сговор победителей. Уинстон Черчилль отлично понимал двусмысленность позиции западной демократии. Отчитываясь об итогах ялтинской конференции в палате общин 27 февраля 1945 г., Черчилль говорил: «Я отвергаю и отметаю всякое предположение о том, что мы... идем на сомнительный компромисс или уступаем силе или страху, и я подтверждаю с глубочайшим убеждением полную справедливость политики, которой все три великих союзника впервые придерживаются теперь. Более того, три державы договорились теперь о том, что Польша получит существенное приращение территории на севере и на западе. Не следует опасаться, что задача удержания этих новых земель окажется слишком тяжелой для Польши, или повлечет за собой новый немецкий реванш, или, если воспользуемся избитой фразой, “посеет семена будущих войн”. Мы намерены предпринять значительно более решительные меры... чтобы исключить возможность каких-либо наступательных действий со стороны Германии в течение будущего поколения».

Гениальный британский политик гарантировал незыблемость новых северных и западных границ Польши на срок одного будущего поколения немцев и поляков. Это поколение, родившееся в 1943–1946 гг., ныне практически вплотную приблизилось к пенсионному возрасту. Плюс к этому третий гарант послевоенных границ Польши – СССР – перестал юридически существовать. Возникает вопрос: остается ли в юридической силе антидемократический пакт Черчилля–Рузвельта–Сталина, основанный на идеологии справедливости послевоенных территориальных аннексий и на депортации коренного этнического населения Германии? Никто в мире не знает ответа на этот вопрос. Ни ООН, ни иные международные организации не хотят отвечать на него. Не хотят принять концептуальную международную конвенцию о принципах государственного суверенитета и незыблемости государственных границ, а также о праве наций или компактных групп населения на политическое самоопределение. Не озабочена современная мировая демократия установлением четких юридических норм в этой важнейшей сфере международных отношений. Хотя не так давно мировое сообщество пыталось установить правовые отношения именно в указанной области.

Мы имеем в виду подписание в 1975 г. Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот акт подписали США, Канада и практически все европейские государства (включая такие карликовые, как

например, Мальта). Акт состоял из трех так называемых корзин. «Первая корзина» фиксировала признание нерушимости послевоенных границ и тем самым подвела черту под итогами Второй мировой войны в духе ялтинских и потсдамских соглашений 1945 г. «Вторая корзина» была посвящена развитию международного экономического сотрудничества. А вот «Третья корзина» акцентировала внимание на правах человека, свободе слова и информации. Западные страны ожидали, что реализация принципов «Третьей корзины» будет способствовать расшатыванию коммунистических режимов. В «Третьей корзине» западные демократы юридически зафиксировали требования к СССР и странам Восточной Европы ограничить цензуру, обеспечить свободный выезд на Запад гражданам этих стран, разрешить продажу периодических западных изданий в прокоммунистических государствах. На основе «Третьей корзины» осуществлялась широкая публичная поддержка диссидентских движений, хельсинкских групп, невозвращенцев из числа артистов, писателей, «работников невидимого фронта».

Тем не менее огромные интеллектуальные усилия (о материальных средствах нам ничего не известно), брошенные на внутренний развал коммунистических режимов, большого эффекта не давали. Коммунистический режим не может быть взорван снизу, поскольку пресекает всякую организованную оппозицию; он может развалиться только сверху, что отнюдь не означает автоматической победы демократии. В недемократических системах власть оказывается у коррумпированных выходцев из ликвидированных только что партийно-комсомольских органов, криминальных структур или фанатичных националистов. Но это уже вопросы, которые возникают после ликвидации власти коммунистов.

Десять лет, прошедших после 1975 г., показали, что «Третья корзина» хельсинкских соглашений работает почти вхолостую. Особенно это стало понятно после фактического провала операции «Солидарность» в Польше. Сюжет был замечательным: рабочий класс крупнейшей судовой страны выступил против руководства польской объединенной рабочей партии (ПОРП)! Однако генерал Ярузельский при политической поддержке Москвы сумел легко задавить «рабочую демократию» без капли крови и ввода иностранных войск. Это особенно расстроило разработчиков данного проекта, и они до сих пор ведут судебное преследование Ярузельского.

Но главный вывод был в другом. Коммунистические режимы в рамках общепризнанных государственных границ достаточно устойчивы против идеологических воздействий. Они могут трансформироваться в сторону экономического и политического либерализма в рамках теории конвергенции в условиях многолетнего мирного сосуществования двух систем. Но это долголетний путь, при котором биполярность мира исчезает эволюционно. Нетерпеливых такая концепция раздражала. Поэтому теория конвергенции была сдана в исторический архив. И на первое место выдвинулась стратегия проникновения западной демократии на восток Европы через политический передел границ — прежде всего Советского Союза, объединение Германии, развала Югославии. Как практически решались эти вопросы, мировая общественность хорошо знает: где на уровне жесточайшей гражданской войны, где путем межгосударственных соглашений, а где и на юридически нелегитимных Беловежских документах. О хельсинкских договоренностях напрочь забыли. Полтора десятка новых государственных образований Восточной Европы стали членами НАТО, и все по рекомендациям иностранных специалистов начали строить прозападную демократию.

Правда, в постсоветских республиках пришлось поступиться некоторыми демократическими принципами. Так, все долги СССР международному сообществу

почти принудительно вменили России. Все новые республики, кроме России, были объявлены безъядерной зоной, и им обещали натовский зонтик от российских ракет. Руководители новых государств дружно и согласно кивали своими радостными головами на предписания западных политиков, забывая обращаться за советом к населению своих стран как базовой основе демократических свобод. Но самое главное в другом: за основу межгосударственных отношений были приняты границы, прочерченные диктаторскими руками Сталина и Хрущева, которые органически не воспринимали болтовни о праве наций на самоопределение. Миллионы граждан были лишены права на выбор государственного устройства в форме референдумов и других демократических способов волеизъявления (включая достижение консенсуса по таким проблемам, как равноправие языков, пропорциональное представительство в государственных структурах законодательной, судебной и исполнительной власти, культурно-религиозной автономии и т. д.).

Преступный сговор между новыми властями скоропалительно возникших стран постсоветского пространства по поводу признания незыблемости сталинских границ лишал права населения этих стран на демократическое определение своей государственности. Конкретные физические лица, спонтанно оказавшиеся у власти во время и после распада СССР, ни морально, ни юридически не имели права решать вопросы такого масштаба, как определение государственных границ, формы политического устройства (унитарная республика, федерация, конфедерация, монархия и т. п.). Не имели, потому что народ не делегировал им права решать проблемы такого уровня. Они обязаны были организовать механизм общедемократического, действительно всенародного и мирного решения этих вопросов.

Нам могут возразить, что путь распада СССР по сталинским границам спасал страну от возможной гражданской и межнациональных войн. Вот и наступили на горло демократии в интересах народов бывшего СССР. Это ложь. Многие новообразованные страны формировались без военных конфликтов. Вспомним распад Австро-Венгрии после Первой мировой войны, образование независимой Финляндии, прибалтийских стран, недавний распад Чехословакии, воссоединение Германии. Признание сталинского размежевания «нерушимого союза» привело еще при Горбачеве к войне за Карабах, затем к военному конфликту в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и, наконец, к ужасной чеченской войне. Эти конфликты унесли жизни сотен и тысяч людей, явились причиной вынужденной миграции десятков тысяч семей (многие помнят национально-патриотический лозунг «чемодан — вокзал — Россия», обращенный к гражданам, вложившим за многие годы жизнь, труд и знания в развитие только что возникших государственных образований).

Права человека и важнейшие демократические свободы были проигнорированы при распаде СССР. Но сама ликвидация Советского Союза приветствовалась и стимулировалась Западом именно для того, чтобы строить на постсоветском пространстве новые демократические сообщества. В этом провозглашенный смысл нынешнего передела мира. Но здесь возникает новый клубок противоречий: как можно насаждать демократию недемократическими методами? На сегодняшний день западная политическая концепция состоит в том, что такая форма экспорта демократических ценностей не только допустима, но является доминирующей (вплоть до военного вмешательства — Ирак, Афганистан, а до этого Косово и Сербия). Эта концепция провозглашает новую разновидность колониализма — демократический колониализм.

Формы демократического колониализма достаточно просты, хотя могут варьироваться в соответствии со спецификой той или иной страны.

В политической сфере всяческое поощрение множественности партий, программы которых пересекаются, повторяются, лишены конкретности. Мелкопартийность позволяет западным советникам манипулировать созданием или расколом парламентского большинства, ставить под сомнение нежелательные результаты парламентских выборов и стимулировать государственные перевороты (как это было по одному охлократическому сценарию в Сербии, Грузии, Украине).

В правозащитной сфере открытое финансирование неправительственных организаций с чисто западной ориентацией. Это довольно странный поворот западной политики. Известно, что в 50-х годах прошлого века в Западной Германии и США велись судебные процессы над коммунистическими партиями этих стран. Основное обвинение в их адрес состояло в том, что они финансируются из СССР, а не за счет членских взносов и других видов легальной партийной деятельности. Тогдашние советские диссиденты поддерживали запрет этих партий.

В экономической сфере демократический колониализм сводится к рыночным реформам, превращающим экономику новых стран в примитивную, по возможности сырьевую, монокультурную. После передела границ западные специалисты настойчиво требуют передела собственности. Этот передел реализуется во всех странах постсоветского пространства без стремления повысить производительность труда, снизить издержки производства, внедрить высокие технологии. Формируется неэффективный неконкурентоспособный рынок. Частная собственность не несет общего роста жизненного уровня населения, а обогащает ничтожную по численности элиту.

По сути тотальный экспорт демократии в условиях нового передела мира не приводит к реальной демократии. Попытки создать массовый средний класс как структурную основу приверженности населения демократическому правопорядку в большинстве новых стран безуспешны. Работники образования, здравоохранения, науки, культуры, которые должны составлять ядро общественной жизни, поддерживать демократические принципы, имеют в целом худшее материальное обеспечение по сравнению с тоталитарным режимом. Инициатива в области экономики почти полностью задавлена. На тезис власти: «а не пора ли нам заняться стимулированием малого и среднего бизнеса» наш ответ — пятнадцать последних лет демократы в области экономики должны были заниматься только стимулированием малого и среднего бизнеса, а не создавать общегосударственную олигархическую коррупцию. Свободное предпринимательство как массовое общественное движение задавлено (особенно в сельском хозяйстве). И, наконец, демократия в политической жизни имеет две прямо противоположные тенденции: либо, как уже отмечалось, культивируется мелкопартийность, вызывающая политический хаос, либо идет селекция вырождения партийной жизни в однопартийную структуру. Люди, стремящиеся получить положительный результат от личного участия в политической жизни, видят оппозицию столь безвольной, аморфной по целям и путям их достижения, что, естественно, примыкают к партии власти. Так происходит в России, Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии.

Какую же демократию привезли в постсоветское пространство? Если не отвечать на этот вопрос с кондачка, примитивно, то можно найти глубокую подознавательную установку западной политической мысли, объективно содержащую правильный ответ: 13 мая 1962 г. в зале Нью-Йорк Сити-колледж на собрании, посвященном 1100-летию Российского государства, русский философ Николай Иванович Ульянов представил доклад «Об историческом опыте России». В этом

докладе был выдвинут и аргументирован тезис: «Лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России. От его первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской». Этот результат анализа мировой политической истории был публично обнародован Н. И. Ульяновым почти полвека назад. Действительно, зачем Западу свободная, демократическая Россия? Она мгновенно становится полноправным конкурентом на мировых рынках. Ее интеллектуально-научный потенциал, опыт целенаправленной подготовки кадров в приоритетных направлениях научно-технического развития, неприхотливость населения к материальным трудностям и многое другое объективно создает у западной политической элиты неприязнь к России, действительно воспринявшей современные гуманистические ценности. Конечно, по мнению западных политиков, большевизм, «империю зла» надо было разрушить, развалить СССР. Но на развалинах советского строя они хотели создать и создали деструктивную систему псевдокапитализма с коррупцией, криминалом, воровством, массовой беспризорностью, бездомностью, фантастической заболеваемостью и смертностью.

Если бросить взгляд на Западную Европу второй половины прошлого века, то мы увидим совсем иные результаты демократизации прежде того диктаторских стран, население которых формально или искренне поддерживало тоталитарные режимы. Конечно, Западную Германию и Италию не надо брать в расчет, поскольку там под эгидой администрации США с помощью выдающегося Эрхарда и его единомышленников осуществлялась демократическая рыночная реформа экономики. (Кстати, ни один из пунктов реформаторской программы Эрхарда не был принят российскими молодыми реформаторами и не присутствовал в рекомендациях американских советников в период шокотерапии.) Обратимся к таким странам, как Испания, Португалия и в какой-то степени Греция периода власти так называемых «черных полковников». После ухода с политической арены Франко и Салазара политическая и экономическая жизнь этих стран, пережив некоторые незначительные передрыги, очень быстро стабилизировалась и политически, и экономически. Демократия продемонстрировала себя как мощный рычаг повышения уровня жизни населения этих стран, Испания, Португалия и Греция на равноправной основе интегрировались в Европейский Союз, в единую зону евровалюты и т. д.

Россия за последние пятнадцать лет в отличие от этих стран превратилась в асимметричную государственную и экономическую систему. Реформаторы говорят, что в результате развала тоталитарного режима Россия должна в течение 8–10 лет догонять Португалию.

Все ясно. Налицо философия двойных стандартов. Испания и Португалия, не имевшие в течение нескольких десятилетий никакого опыта демократической политической общественной жизни, при полном отсутствии природных ресурсов и конкурентоспособного народного хозяйства после свержения фашистских диктаторов органически без проблем вписываются в демократический западный мир. Россия с огромными нефтегазовыми ресурсами, с высокими технологиями в области космоса, атомной энергетики, с политическим опытом эволюционного изменения коммунистической диктатуры (от Сталина до Горбачева) по существу отторгается западным миром. Не из-за русскости ли? Может быть, может быть... С кем бы обсудить на равных?

Конечно, фрейдистское политическое подсознание «хирургов» нынешнего «демократического» передела мира вызывает определенный интерес. Однако России, независимо от мнения политологов и заранее проплаченных экспертов надо идти

вперед по пути свободы, демократии и гуманизма. Глубокую характеристику этой тенденции дал в свое время выдающийся президент США Рузвельт. В послании конгрессу США 6 января 1941 г. Франклин Делано Рузвельт провозгласил особую важность для всего мира обеспечения «четырех свобод»:

- свободы слова и самовыражения;
- свободы вероисповедания;
- свободы от нужды;
- свободы от страха.

Эти четыре свободы нельзя расчленить. Политическим импотентом становится тот политик или государственный муж, который говорит, что вполне возможно на пятнадцать процентов увеличить одну свободу, но при этом придется другую уменьшить, например, на пять процентов. К сожалению, таких политиков у нас подавляющее большинство.

Рузвельт начинает перечисление свобод со «свободы слова и самовыражения». Демократия невозможна без свободы слова и самовыражения. Последнее понятие очень важно, поскольку свобода слова нужна прежде всего тем, кому есть что сказать окружающим, потенциальным слушателям. Человек думающий, генерирующий новые идеи, должен обладать несомненным правом самовыразиться. Даже при жесточайшем преследовании свободы слова, как мы знаем, тоталитарный режим не в состоянии был перекрыть возможности общества услышать тех, кто мог и знал что сказать. В СССР такую возможность давали прежде всего самиздат, западные радиостанции. Мыслящая часть населения страны прекрасно знала позицию Андрея Сахарова и Александра Солженицына и многих других инакомыслящих.

Но какие самостоятельные или оригинальные мысли страна услышала от таких, как Евгений Киселев, Сергей Доренко, от лиц, контролирующих телеканалы, радио, прессу? Кто в России получил свободу слова? Пиарщики, политтехнологи, сливщики компромата, защитники экспансии идеологии сексуальных меньшинств, межнациональной и межрелигиозной неприязни. Свобода слова дана журналистам, а вернее, их кукловодам. «Мы делаем новости!» Этот лозунг горделиво звучит на ряде теле- и радиоканалов. Дорогие радители свободы слова для себя-журналистов, вы не должны **делать** новости, а обязаны их **сообщать** по возможности беспристрастно. Расшифруйте аббревиатуру СМИ и обратите особое внимание на последнюю букву (информация). Свобода слова не может быть только для отобранных властью или частными хозяевами носителей информации. Так же как не являются свободой слова политические, экономические, культурные комментарии, постоянно даваемые одной и той же колодой «уважаемых» кем-то специалистов. Демократия требует многообразия точек зрения, аргументации. Свобода слова — это зерно, из которого вырастает древо дискуссии.

Второй в перечне «свобод Рузвельта» названа свобода вероисповедания. Реализация религиозных свобод должна базироваться на концепции терпимости и уважения к инаковерующим и атеистам. Религиозный фанатизм является главным препятствием к демократическому выражению свободы вероисповедания. К сожалению, в последние полвека принадлежность человека к той или иной конфессии даже в странах «классической» демократии может привести к затруднениям в получении образования, работы, свободы в выборе места жительства и т. д.

Конфликты между общепризнанным принципом свободы вероисповедания и реальными действиями властей зачастую принимают чрезвычайно острые формы. Что касается России, то она может быть отнесена к числу стран с относительно

высокой взаимотерпимостью в межрелигиозных отношениях. Хотя здесь тоже есть ряд проблем, рассмотрение которых не входит в задачи данной работы.

Но что касается «третьей свободы Рузвельта», то Россия в области ее реализации оказалась в катастрофическом положении. Мы имеем в виду «свободу от нужды». Парадокс России заключается в том, что те, кто получил технические и материальные возможности публично оглашать свою «свободу слова», оказались в большом достатке, а многие и в богатстве; а граждане, стоявшие на митингах и на защите Белого дома во время путча и требовавшие свободу слова, — погрязли в нужде.

Социализм цинично попирает саму идею «свободы от нужды». Мировая революция, ракетно-ядерно-космическая гегемония — вот принципы идеологической системы социализма. Народ потерпит, солдат нарожают. Это идеология, воспринятая большевизмом еще от нечаевщины. В 1920 г. один партийный идеолог говорил моему семнадцатилетнему отцу: «Вы должны унавозить почву для будущих поколений». Какова же постсоветская действительность в аспекте свободы от нужды?

Российские демократы, рвавшиеся к власти, просто презрительно переступили через третью свободу Рузвельта. Рузвельт своими реформами вытянул из нужды Соединенные Штаты Америки после великой депрессии, сломавшей жизни миллионам граждан своей страны. Он понимал, что сохранить демократию в США, не дать прорваться к власти фашизму можно только преодолев страх нужды. Наши «демократы» до сих пор не поняли ничего. Они считают, что власть можно и следует купить. Конечно, страх нищеты гонит студентов и бабушек на Манежи и Майданы. Да мало ли что могут сделать деньги! Сквозная коррупция — вот что разлагает общество в первую очередь. Чтобы с ней бороться, высшие руководители страны начинают менять прокуроров, министров, губернаторов. Все это ерунда. Если основная масса граждан страны получает достойный доход за достойный труд, то именно она уничтожит коррупцию или, как минимум, не допустит ее в сферу своей непосредственной деятельности.

Четвертая свобода Рузвельта — это «свобода от страха». Этой свободы Россия не знала никогда. Но после демократических перемен страх не только не исчез, но стал более конкретен, приближен к каждому отдельному человеку. В Советском Союзе страх к КГБ был ясен и понятен. Из-за принципиального несогласия с вождем всех народов или даже мелкого анекдота на политическую тему люди могли оказаться в тюрьме, лишиться жизни. Источником информации для репрессивных органов в основном являлись доносы «друзей», соседей, секретных сотрудников, «добровольные признания» арестованных. Но по улицам городов и деревень можно было ходить совершенно спокойно до позднего вечера. Криминальные структуры не выделялись на фоне повседневной жизни, людей не избивали и не убивали по национальному и расовому признаку, дедовщины в армии как массового явления просто не существовало, террористических актов, подобных Буденовску, взрывов домов в Москве, в метро у станции «Павелецкая» и «Рижская», ужасов в Беслане и на спектакле «Норд-Ост» и других преступлений такого уровня не могло и быть. Теперь страх стал тотальным. Люди боятся обратиться в правоохранительные органы, опасаясь, что они коррумпированы с криминальными структурами. Боятся не получить заработную плату, пособие на лечение. Боятся потерять жилье из-за непомерного и ничем законодательно не ограниченного роста квартплаты, цен на услуги ЖКХ, роста налогов на имущество. Российские граждане целиком и полностью являются совокупным должником «демократической» власти, власть им не должна

ничего. Возьмите любой закон, принятый в последние годы, и вы найдете там только обязательства населения перед государством. Обратная прямая ответственность власти не прописывается принципиально.

За последние пятнадцать лет Россия не получила «свободы от страха». Для законопослушных граждан страх стал многофакторным, всепроникающим. Раз нет свободы от страха, значит, нет стабильности в обществе, а следовательно, оно по сути недемократично.

Отталкиваясь от четырех фундаментальных свобод Рузвельта, можно констатировать, что экспортная демократия, основанная на революционном взрыве (вместо эволюционного реформирования), сознательно предаёт базовые принципы свободы слова и самовыражения. Наша свобода слова такова: личная безопасность граждан, доступность медицинских услуг и образования, достойные доходы за достойную работу — вот основа для развития духовной жизни, самовыражения, подлинного творчества. Американские советники по восточноевропейским демократическим реформам делали вид, что великого для них Рузвельта они не читали.

Возможно, что США и некоторые европейские страны считают себя исторически далеко продвинутыми в реализации четырех свобод, провозглашенных шестьдесят пять лет назад президентом США. Однако большинство иных стран весьма далеки от этой «идиллии». Поэтому внешнее внедрение демократии под флагом глобализации в однополярном мире рождает псевдodemократические общественно-государственные структуры. Отказ от итогов Второй мировой войны во имя тотальной демократизации мирового сообщества, конечно, не приведет к желаемому результату из-за бездарности лидеров западного мира и их адептов в странах «новой демократии». Но спусковой крючок «демократического» передела мира уже спущен. На самостоятельность, на собственную государственность претендуют Северная Ирландия, Бильбао, Квебек, Корсика, Северная Италия, Абхазия, Косово, Южная Осетия, Приднестровье, Палестина. Нельзя сбрасывать со счетов проблемы Шри-Ланки, Тайваня, Сомали, а также интересы пятнадцатимиллионного контингента этнических немцев, насильственно выселенных с территории Польши и Чехии. Разрушив в одночасье политическую философию хельсинкских договоренностей, Запад не создал международного механизма мирного политического решения конфликтов, возникающих при свободе самовыражения определенных групп населения на обособленную государственность.

Как будут развиваться эти процессы в условиях правового вакуума? Сколько будет насилия? Будут ли эти процессы сопровождаться «победной поступью демократии»? «Старые демократии» считают, что всякое стремление к государственному суверенитету в рамках территорий их стран определяется термином «сепаратизм» и должно преследоваться по закону. Что касается государств, возникших в прошлом веке, то правозащитные организации могут найти много вопросов к руководству этих стран от Эстонии до Туркмении и от Сербии до Северной Кореи. Новый передел мира трансформировался в глубокий общественно-политический кризис мирового сообщества.